

КОРВЕТ *РЫНДА* И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ РОМАНОВ В ГОСТЯХ У АВСТРАЛИЙЦЕВ

Девятнадцатого января 1888 года в австралийский порт Ньюкасл пришел паровой корвет российского военно-морского флота *Рында*. Это был быстроходный корабль, построенный в 1885 году в Петербурге по последнему слову техники. Он имел стальной корпус, бронированную палубу, 19 пушек и один торпедный аппарат. Внутреннее убранство корабля отличалось роскошью, включая одно из последних технических достижений – электрическое освещение. Название корабля происходило от древнего русского слова, в 16-17 веках означавшего *телохранитель русских царей*. Фигура *рынды* в дань традиции парусного флота украшала нос корабля.

Корвет Рында

Экипаж корвета состоял из 396 человек. Во время посещения Австралии на его борту были 23 офицера, включая командира, а также судовой врач и священник. Среди офицеров находилось целое созвездие русских аристократов. Звездой первой величины среди них был [Великий Князь Александр Михайлович](#) (Романов), за ним следовали князь [Михаил Сергеевич Путятин](#), князь [Сергей Александрович Ширинский-Шихматов](#), граф [Николай Михайлович Толстой](#), граф [Матвей Александрович Апраксин](#), все в чинах лейтенантов и мичманов. Кроме того, в состав команды входили представители известных русских морских династий Эбелингов, Лангов, Тыртовых, Шателенов и Кульстремов. Командовал кораблем старый морской волк – капитан 1 ранга [Федор Карлович Авелан](#). По-видимому,

новопостроенный корвет был не совсем обычным судном, предназначенным для службы и практики тогдашней «золотой молодежи». Однако, ее представителям во время прохождения службы не делалось никаких поблажек: в вахтенных журналах можно найти записи, сделанные рукой мичмана Романова, который стоял на вахтах и в штормовые ночи, и в тропический зной наравне со всеми. В то же время неофициальный особый статус «Рынды» давал ее командованию большую свободу в выборе маршрута, вызывал к ней особый интерес во время стоянок и предоставлял участникам плавания прекрасные возможности не только для развлечений, но и наблюдений на берегу.

Морское начальство первоначально рассчитывало послать *Рынду*, входившую в состав тихоокеанского отряда, в Татарский пролив для съемки берегов и промеров глубин. Внезапно маршрут был изменен в противоположном направлении – в южные моря, и сделано это было по инициативе мичмана А.М. Романова. Он так писал об этом в своем дневнике: «Я предлагаю чудный план, чтобы нас отправили в Сан-Франциско, потом Сандвичевы, потом Таити, Новая Гвинея, Австралия, Новая Зеландия. (...) Это надо просить прямо Алексея. (...) Я бы устроил все это сам через адмирала начальника отряда, но дело в том, что он не может отпустить нас без разрешения свыше». (Под именем «Алексей» А.М. Романов имел ввиду Великого князя Алексея Александровича, генерал-адмирала русского флота). Капитан *Рынды*, выходец из Финляндии Федор Карлович Авелан, с 10 лет был отдан в Морской кадетский корпус, после чего вся его жизнь была связана с морем. Он отправлялся в Австралию уже в третий раз. В 1871 году он побывал в Мельбурне на клипере *Гайдамак* в чине лейтенанта, в 1881-82 годах, командуя клипером «Вестник», посетил Сидней, Хобарт, Мельбурн и Гленелг. Он был прекрасным, образованным командиром, хорошо знал французский и английский языки. Не подлежат сомнению и его дипломатические способности, которые ему пришлось применить во время захода на Самоа. Его импозантная фигура всегда привлекала внимание, и, как писали австралийские газеты, он был «истинным командиром и настоящим мужчиной».

Но самой колоритной фигурой на судне был Великий Князь Александр Михайлович (Романов). Внук Николая I, сын Великого Князя Михаила Николаевича и Ольги Федоровны (принцессы Цецилии Баденской), он был двоюродным братом царя Александра III. Он отнюдь не был изнеженным аристократом, а, напротив, отличался добросовестностью, трудолюбием и глубокими всесторонними знаниями. Он родился в 1866 году в Тбилиси, где его отец занимал пост русского наместника на Кавказе. Воспитание в семье было простым и суровым. С 7 лет Александр и его братья жили в домашней казарме, спали на узких, жестких постелях. Подъем в 6 утра, холодная ванна, скудный завтрак, занятия фехтованием. Затем учеба – дети получили очень хорошие знания по математике и языкам (французский, немецкий, английский). Затем – военные занятия: строевая подготовка и верховая езда. В 12 лет Александр сам решил стать морским офицером. В 1885 году после соответствующей учебы девятнадцатилетний Александр стал мичманом. Для получения следующего звания ему было положено принять участие в трехлетнем кругосветном плавании. Так Великий князь и оказался мичманом на *Рынде*. Австралийские газеты описывали его как высокого, хорошо сложенного, красивого молодого человека со смуглым цветом лица и «со всеми отличительными чертами, присущими Романовым», и, в то же время, скромного и спокойного по натуре». Кроме того, Великий Князь интересовался фотографией, благодаря чему во время похода *Рынды* был подготовлен альбом с фотографиями, в том числе, и Австралии.

Русские моряки жаждали увидеть Австралию. Их любопытство подогревали рассказы бывалых путешественников Авелана и Путятина, уже посещавших далекий континент. Знакомство с Австралией *Рында* начала с Ньюкасла. Формальным поводом была загрузка корабля углем, однако, несомненно, была и другая причина – сбор информации. Посещение Ньюкасла предписывалось специальной телеграммой Морского министерства, так как этот важный центр угледобычи давно интересовал министерство. Кроме того, возможно, что на интерес к нему военно-морского руководства повлиял и [Н.Н. Миклухо-Маклай](#), который в те времена строил планы создания русской колонии на одном из островов Тихого океана. Надеясь на помощь царского правительства, Миклухо-Маклай

предложил информировать его о политической обстановке в Океании. Получив предписание сообщать публикуемые в печати сведения о приготовлениях Австралии на случай войны России с Великобританией, о расположении военных укреплений, угольных станций и т.п., Миклухо-Маклай писал в Морское министерство в 1886 году: «Завладение местом добывания каменного угля, мне кажется, может оказаться первостатейной важности. Я говорю о *Ньюкастле* в колонии New South Wales. Несколько сотен китайцев, привезенных из одного из портов Китая, под руководством и начальством 2 или 3 распорядительных горных инженеров, могут привести занятые копи Ньюкастля в надлежащий порядок и превратить их в источник снабжения военных судов углем. Насколько мне известно, Ньюкастль укреплен очень незначительно и вовсе несообразно со своим значением». И действительно, добыча угля и система обороны займут главное место в отчете Авелана об этом визите.

Русские и не подозревали, какой переполох вызвало в Ньюкасле их приближающееся к берегу судно. Собравшиеся на берегу жители старались угадать национальную принадлежность подходящего с севера корабля. Позже местные корреспонденты никак не могли выяснить, какой же все-таки сигнал был поднят на форте – «вижу английский военный корабль» или «...немецкий...». Примечательно, что никто не догадался, что пришли русские, до тех пор, пока *Рында* не вошла в порт и не запросила лоцмана. Грозный форт Скрэтчли, построенный для защиты Ньюкасла от русских, потерпел фиаско. Это был не первый случай, когда российские военные корабли заставляли врасплох австралийские береговые укрепления, построенные для защиты от русских. В 1862 году, например, *Светлана* вошла в Порт-Филлип и запросила форт, ответят ли на ее орудийный салют. Австралийцы были вынуждены признаться, что ответить на салют они не могут, так как у них нет пороха. (Этот случай обсуждался даже в парламенте). В 1882 году три русских корабля, на которых находились Авелан и Путятин, вошли в Гленелг и простояли там неузнанными всю ночь!

По сообщениям австралийских газет, первый вечер на австралийском берегу Великий Князь и «его свита» провели в *Great Northern Hotel*. На следующий день, 20 января, русские моряки «скупили в местном книжном магазине все имевшиеся в наличии карты и планы гавани Ньюкасла», а Великий Князь, в одиночестве и никем не опознанный, отправился осматривать город. В тот же день капитан Авелан и лейтенант Иван Ланг были приняты мэром города и местным начальством. К разочарованию австралийских хозяев, Великий Князь на приеме отсутствовал, так как предпочел осматривать гидравлические краны и мастерские. Прием шел своим чередом, мэр, приветствуя русских, выразился с осторожностью дипломата: «Мы рады видеть любых высоких гостей, невзирая на их национальность». Тем не менее, он не упустил случая съезвить по поводу сиднейцев, которые предоставят морякам, конечно, больше развлечений, в то время как у жителей Ньюкасла очень мало времени для увеселений. На это русские тут же выразили желание посетить угольную шахту. Тем не менее, ньюкаслцы сначала провезли русских в экипаже по городу, поднявшись, в том числе, и на вершину холма к форту Скрэтчли, откуда открывался панорамный вид на город и окрестности. (Позже Авелан даст детальное описание форта в отчете в Морское министерство). Местная газета писала, что русские офицеры послали в этот день длинные шифровки в Петербург и Гатчину. Петербург и в самом деле проявлял особое внимание к плаванию «Рынды» - родители Великого Князя засыпали морское начальство телеграммами с запросами о климате посещаемых мест, о маршруте плавания и т.п. особенно волновались они, когда в ходе дальнейшего плавания их сын повредил ногу на охоте в Новой Зеландии.

На следующий день жители Ньюкасла были напуганы звуками орудийных залпов. Вскоре выяснилось, что русские отнюдь не захватывают город, а обмениваются приветственными салютами с фортом Скрэтчли. Затем народ, собравшийся на пристани, увидел блистательную процессию – капитан Авелан и восемь офицеров, включая Великого Князя, двух графов и князя, были встречены мэром и олдерменами. Лучший экипаж был предоставлен мичману Романову, капитану и мэру, и живописная процессия отправилась осматривать Лэмтонскую угольную шахту. Там русские моряки буквально засыпали

вопросами управляющего и, помимо наружного осмотра, пожелали спуститься в главную штольню. Репортер особенно подчеркивал глубокий интерес Великого Князя к технике. Вечером он с другими офицерами отправился вверх по реке Хантер до Рэймонд Тэррес. Кто был разочарован интересами Великого Князя, так это посетители Театра Виктории. Его дирекция два раза сообщала в местной газете, что на вечернем спектакле будут «высокие гости», и оба раза ожидания публики не оправдались. 22 января, перед отплытием корвета, священник «Рынды» о.Агафангел провел на борту корабля службу, вызвавшую большой интерес горожан. На ней присутствовал один русский житель Ньюкасла и трое греков. В полдень «Рында» покинула Ньюкасл.

По итогам визита русские моряки составили детальное экономическое, военно-стратегическое и гидрографическое описание Ньюкасла. Особое внимание в отчете капитана Авелана и судового врача Павла Александровича Бурцева уделялось добыче угля. В частности, Авелан высоко оценил технические новшества в погрузке угля на корабль. Сам Ньюкасл, по-видимому, не произвел на русских большого впечатления. «Это огромный склад угля и шерсти..., - писал Бурцев. – Город совершенно лишен зелени». В то же время он отметил, что город уже имеет музей с богатыми образцами доисторической флоры и фауны, найденными в ходе горнодобывающих работ.

Впечатления австралийцев от визита русских складывались под воздействием двух противоречивых чувств – страха и любопытства. После Крымской войны австралийцы испытали приступы страха перед русским военным вторжением в 1863, 1882 и 1885 годах. В Ньюкасле эти страхи нагнетались и в 70-е годы, когда и был построен форт Скрэтчли. Неожиданное появление «Рынды» снова возбудило эти страхи, и местная газета писала, что «некоторые опасались, что «Рында» пришла со зловещим планом поднять нас всех на воздух». Хотя перед обменом салютами между русским кораблем и фортом газета не без юмора успокаивала горожан, все-таки не обошлось без паники. Та же газета в передовой статье «Свободная торговля и Великий Князь» выражала и серьезные опасения. По логике автора покупка русскими планов гавани Ньюкасла «несомненно приведет сюда дюжину русских броненосцев, которые произведут разрушение и, возможно, лишат нас национальной независимости».

И все же интерес к русским был сильнее подозрений и страха. «Великий Князь и его свита» стали темой дня. Местные генеалоги возвели его родословную Романовых к некоему литовскому принцу, а отцом Великого Князя объявили Чарльза I Вюртембергского. Но были и здравые наблюдения: «Чем выше русский аристократ, тем дружелюбнее он по отношению к тем, кто ниже его. Так ли ведут себя так называемые австралийские «аристократы»?» – вопрошала газета. Австралийцев заинтересовали три черты русских – музыкальность, православие и дисциплина. Хотя из-за погрузки угля доступ на корвет был закрыт для посетителей, на берегу, когда играл оркестр *Рынды*, собирались сотни слушателей. Особенно сильное впечатление на них производил «трогающий за душу русский национальный гимн». С интересом описывали репортеры православную службу на борту корабля, восхищались превосходной дисциплиной русских моряков. Русские покидали Ньюкасл, завоевав сердца и развеяв страхи ньюкаслцев. «Наши русские гости высмеивают идею большой европейской войны, - писала одна из газет. – Великий Князь Александр Михайлович проявляет большое уважение ко всему английскому и надеется, что между двумя великими державами всегда будут дружеские отношения».

Следующим австралийским портом, в котором «Рында» бросила якорь, был Сидней. Посещение корветом крупнейшего города Австралии совпало с юбилейными торжествами по случаю столетия основания колонии. И здесь героем дня стал Великий Князь. На следующий по прибытии корвета день Лорд Кэррингтон, губернатор Нового Южного Уэльса, отправил экипаж за Александром Михайловичем для доставки его в Дом Правительства. Однако присутствие Великого Князя на государственных торжествах оказалось невозможным, так как согласно законам Российской Империи, посетители не могли участвовать в государственных церемониях иностранной державы. Иногда он не мог присутствовать на торжествах и потому, что должен был находиться на вахте наравне с

другими офицерами. 24 января русские офицеры вновь отправились в Дом Правительства. На этот раз они были гостями Леди Кэррингтон...

Четверг 26 января стал основным днем юбилейных торжеств. С утра *Рында*, как и все суда, стоящие в заливе, расцвечилась флагами, а в полдень со всех фортов и военных судов, включая *Рынду*, был произведен салют наций в 21 выстрел. Вечером в здании бывшей всемирной выставки колониальные власти дали государственный банкет на 1 000 персон, на котором присутствовал Авелан. В тот же день обнаружилось, что русские могут оказать существенную помощь организаторам пикника в Национальном парке для подростков из бедных семей. Британский фрегат *Nelson*, который должен был прислать оркестр для развлечения публики, не успел прийти в Сидней. Для спасения положения организаторы пикника решили пригласить оркестр *Рынды* – слава о нем уже успела дойти от Ньюкасла до Сиднея. Австралийские газеты и в этом случае сумели поместить в центр событий Великого Князя. Они сообщали, что депутация организаторов пикника явилась на *Рынду* и «обратилась к Авелану с тем, чтобы он попросил Его Императорское Высочество Великого Князя о том, чтобы он позволил *своему* оркестру играть на пикнике... На что было дано милостивое согласие». Оркестр, конечно, был корабельным и отнюдь не состоял в ведении мичмана А.М. Романова, но, как видно, даже присутствие имени Великого Князя льстило тщеславию австралийцев. 27 января оркестр играл почти непрерывно весь день в Национальном парке. Газеты отмечали мастерство русских музыкантов и самокритично признавали, что оркестр такого уровня не часто можно встретить в Австралии.

30 января утром русские офицеры присутствовали при закладке нового здания парламента. Вечером состоялся министерский обед в парламенте, устроенный правительством Нового Южного Уэльса, на котором присутствовал Авелан.

31 января в здании выставки сиднейцы устроили праздник для матросов военных и коммерческих судов, находящихся в гавани. Среди 2000 приглашенных сто составляли матросы с «*Рынды*». Здание выставки было великолепно украшено. Над помостом, предназначенным для губернатора и его свиты, располагался австралийский герб, а по сторонам его были вывешены русский и французский флаги, в то время как флаги других стран были расположены вдоль стен. По центру зала шли сервированные столы. Обстоятельный Авелан в своем отчете отмечал, что «угощение состояло из холодных мясных блюд, пирожного и фруктов; для питья подавали лимонад, содовую воду и по полбутылки пива на человека». Каждому матросу также выдавали трубку, пару сигар и коробку восковых спичек. В начале девятого на помост вошли почетные гости. В газетном репортаже Великий Князь был назван четвертым по счету вслед за лордом и леди Кэррингтон и вице-адмиралом Фэйерфаксом. Леди Кэррингтон был преподнесен букет от английских матросов, а вслед за тем под звуки русского национального гимна на помост поднялся русский боцман и, поцеловав руку леди Кэррингтон, вручил ей огромный букет цветов, на лентах которого было вышито по-английски «от русских моряков». «Наш букет был вышел значительно изящнее и богаче, [чем английский]», - не преминул заметить в своем отчете Авелан. Лорд Кэррингтон тут же произнес импровизированную речь, в которой от имени своей супруги поблагодарил русских моряков за столь неожиданный и изящный подарок. «Мы приветствуем в водах Порт-Джексона, - продолжал далее Кэррингтон, - великолепный корабль *Рында*», мы приветствуем доблестных моряков, которые плавают под голубым крестом Святого Андрея. И мы особенно приветствуем, хотя и не имеем право делать это официально, высокого гостя, близкого родственника Его Величества Царя. Хотя мы и не имеем права оказать ему официальный прием, наши сердца оказывают ему истинно царский прием».

1 февраля, в день окончания празднеств, состоялся фейерверк. *Рында* и другие суда стали напротив залива Фарм Коув и по сигналу зажигали иллюминацию, которая меняла цвета от белого к красному и зеленому. Матросы, стоя на концах рей, зажигали разноцветные бенгальские огни. Иллюминация кораблей сопровождалась фейерверками с берегов и фортов. «*Рында*» оставалась в центре внимания и после завершения торжеств: 2 февраля

ее посетил лорд Кэррингтон с супругой. При съезде в их честь *Рында* салютовала 17 выстрелами.

Корабельная жизнь шла своим чередом. К 8 февраля была завершена полная переборка машины корвета и закончена окраска бортов и наружных частей корабля. 9 февраля в 9 часов утра корвет покинул гостеприимный Сиднейский рейд. 12 февраля «Рында» прибыла в Мельбурн, произведя королевский салют в 21 выстрел. Репортеры, как и в предыдущих портах, во всех деталях описывали устройство и вооружение корабля, восхищались корабельным оркестром. Они отмечали, что им был оказан «любезный прием» со стороны офицеров, которые «хорошо изъясняются по-английски», русские же матросы показались им настоящими молодцами. Однако, уже несколько дней спустя газета *Age* начала кампанию за ужесточение условий входа иностранных военных судов в гавань Мельбурна. Военный арсенал *Рынды* и ее потенциальные возможности для атаки служили убедительными аргументами; газета отмечала, что *Рында* без труда может повредить оборонные укрепления, используя свою артиллерию и торпеды. В других статьях говорилось о грядущей войне между «полудикой и деспотичной Россией» и Англией. Тем не менее, мельбурнцы проявили положенное гостеприимство, с гордостью подчеркнув: «Для нас не имеет значения национальность чужестранцев». 22 февраля состоялся прием в Таун-Холле с исполнением органной музыки, через два дня – прием в мельбурнском клубе. Побывал на корабле с визитом и мэр Мельбурна.

Не обошлось и без довольно распространенного в те времена явления. В ночь на 3 марта с корабля бежал торпедный машинист I статьи Иван Егоров, человек хорошего поведения, имевший жену и детей. Причиной побега стало увлечение местной женщиной. По договоренности с ней ночью к корвету подошла шлюпка, на которой и бежал Егоров. Дальнейшая его судьба осталась неизвестной.

6 марта *Рында* покинула Мельбурн. Впереди была Новая Зеландия и острова Фиджи, Самоа, София, Уалан. Годы спустя, в изгнании, А.М. Романов напишет: «Воспоминания об этих местах возбуждают во мне острую тоску, которая одно время даже была причиной моего намерения отказаться от титула и остаться навсегда за границей... Я часто вспоминаю обо всем этом после революции, и мне кажется, что далекий остров где-нибудь на Тихом океане был бы самым подходящим местом для человека, жизнь которого была исковеркана колесами истории... Быть может, когда-нибудь мои мечты сбудутся. Как ни грустно посетить снова места, где я был счастлив сорок лет тому назад, я твердо верю, что ни океан, ни тропические леса, ни горы мне не изменят. Изменяют только люди...».

Е. Говор, А. Массов. «Рында» в гостях у австралийцев (к 110-летию визита в Австралию). Австралиада, N16. Сидней. 1998

Возврат к главной странице www.warsstory.org